

Из Научно-библиографического архива РКП

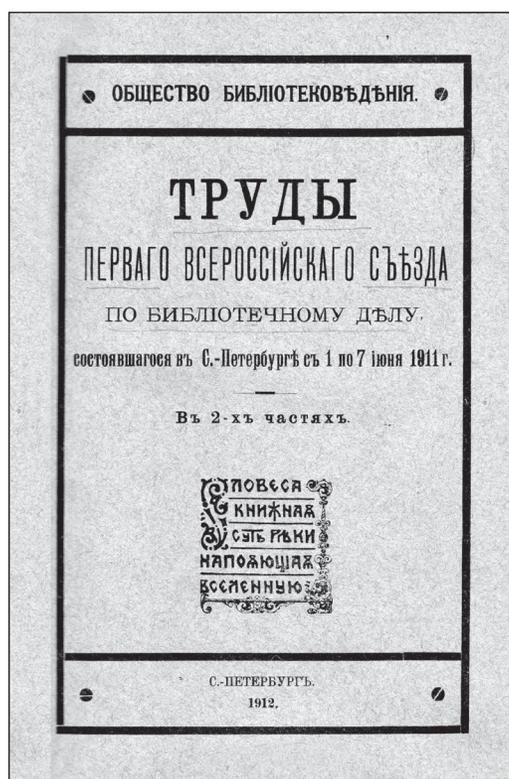
УДК 01

После недавнего скандального исчезновения из ВАКовского списка научных специальностей дисциплины 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» обращение к архивным материалам прошлого становится актуальным, поскольку всё познаётся в сравнении.

Аргументы библиографов, библиотечарей и книговедов досоветской, да и советской России в защиту своей деятельности звучат в материалах, хранящихся в Научно-библиографическом архиве Российской книжной палаты (РКП), не только громко, но и убедительно, поскольку время и история подтверждают правоту и обоснованность их оценок и предложений, т. е. теория подкрепляется богатым и разнообразным практическим опытом прошлых лет. Впрочем, нам не привыкать действовать в сфере книжного дела и книжной культуры по принципу «что имеем, не храним, а потерявши — не плачем»!

В 2021 г. исполнилось 110 лет со времени проведения в Санкт-Петербурге Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу. Общество библиотечковедения в 1912 г. издало «Труды» съезда, которые с тех пор полностью не переиздавались, хотя по праву оцениваются как «энциклопедия библиотечного дела». На съезде впервые в отечественном библиотековедении были сформулированы демократичные принципы развития библиотечного дела, его общественный характер, обоснованы социальная роль библиотеки и библиографии, безусловная самостоятельность библиотечной и библиографической профессий.

В издании Российской национальной библиотеки «Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному

делу, 1–7 июня 1911 г. : избранные материалы» (СПб., 2011. 216 с. : табл., факс. Библиотековедение: изучая прошлое — созидаем будущее ; вып. 3) опубликованы основные доклады, прозвучавшие на съезде, и все его резолюции. Однако и другие материалы по-прежнему представляют интерес не только для историков, теоретиков и практиков книжного дела, но и для всех, кого волнует судьба российской культуры. Именно поэтому мы обратились к исходному изданию: «Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1-го по 7-ое июня 1911 г.» (С.-Петербург, 1912. Ч. 2. 440 с.), откуда взят публикуемый ниже доклад писателя, библиотечного деятеля, библиографа Сергея Дмитриевича Масловского (1876–1943).

С. Д. Масловский

Библиография в ряду обязательных для библиотекаря знаний

Доклад библиотекаря Имп. Николаевской Военной Академии
С. Д. Масловского. (Прочитан на заседании 5-го июня 1911 г.)

Я позволю себе отвлечь внимание Секции в несколько иную область, чем та, в которую ввел нас глубокоуважаемый наш председатель, говоря о том же, о чем буду говорить я — о библиографии в библиотечном деле.

Мы, русские библиотекари, сдвигаемся ныне с той мертвой точки, с которой наши германские коллеги сдвинулись 40 лет назад, когда, с Klette во главе, они выдвинули то же положение, которое ныне выдвигаем мы — «самостоятельность библиотечной профессии», как залог и гарантия успешного и широкого развития той великой культурной силы, которой являются современные библиотеки.

Именно теперь особенно уместно поставить вопрос о библиографии во всей его полноте. Ибо в современном русском библиотековедении и, в частности, среди петербургских академических библиотекарей достаточно ярко наблюдается течение, в крайних проявлениях своих начисто отрицающее «библиографию», течение, замыкающее всю работу библиотекаря сферой одной техники и, в силу этого, определяющее «профессию библиотекаря» как профессию чисто *техническую*.

Подобное направление, бывшее еще в недавнее время преобладающим и на Западе, несомненно представляется крайне нежелательным, ибо, в случае закрепления его в жизни, оно, несомненно, затормозит правильное развитие библиотечного дела, направив его на ложный путь.

Я не думаю — ни в малой степени — отрицать огромного значения техники. Тем более что я лично исповедую крайнюю индивидуальность библиотек. Даже в пределах одного и того же

типа, условия, в которых приходится работать той или иной библиотеке, настолько различны, что у каждой из них видится свое «особливое лицо», а, следовательно, и свой особый для каждой из них уклад. И чем выше «тип», тем «особливее» каждая отдельная библиотека в пределах этого типа. В силу этого шаблона, механической рутины, к которой так часто приводит, к сожалению, ремесленное понимание техники, — в нашем деле быть не может. А следовательно, и технические познания каждого из нас должны быть настолько обширны и осознаны, чтобы дать возможность построить самостоятельно работу каждой библиотеки на основах ей, и только ей, свойственных. А для этого нужен не простой технический навык, не набитая на шаблон рука — а *знание*, во всем значении этого слова.

Но глубокой и роковой ошибкой было бы закреплять созданное обстоятельствами — излагать которые здесь не представляется нужным — «засилие техники» и к технике сводить весь труд и все знание библиотекаря. Библиотекарь есть не только хранитель книг, не только — пусть главный! — но все же *мертвый* рычаг библиотечной машины. Библиотека — не книжное кладбище, не музей окаменелостей, а живой организм. И его надо — не хранить, но — вести.

Для *ведения же* библиотеки «техники» недостаточно. И мы видим, действительно, что в большинстве академических библиотек ведение их юридически и часто даже — фактически — ушло из рук библиотекарей в другие, особые, с библиотекой только искусственной связью связанные органы, в которых

библиотекарь если и имеет, то только слабый голос. Подобное ненормальное положение — на мой взгляд, самое ненормальное, что есть в положении библиотекарей, — обусловлено в значительной, в решающей степени указанным выше «самоограничением» библиотекарей, сведением всей библиотечной работы к технике и отказу от второй, необходимой и важнейшей — «научной» части библиотечной деятельности, в основе которой «*библиография*».

Выдвигая библиографию — не только как равноценный техник, но как *высший* элемент нашего библиотечного дела, я должен, однако, оговориться. Я понимаю библиографию в данном случае не как историко-литературное и критическое *исследование* книг. Я приближаюсь скорее к Эберту с его делением библиографии на «прикладную» и «научную»: для библиотекаря нужны особые библиографические знания. Не те, конечно, которые ставит на свою программу Ecole des Chartes, предлагающая библиотекарям на экзамене вопросы вроде: «как отличить 4° от 8° в изданиях XV века», «что называется в типографском деле “римским” шрифтом и что “италическим”», «когда и какими типографами шрифты эти были введены во Франции» и т. п.

Задача библиографии — определить место данного труда в литературе данного предмета. Библиограф-ученый определяет его *по научной его ценности*. Библиограф-библиотекарь определяет его *по содержанию*. Его библиография не критическая, но регистрирующая.

Иначе и быть не может. Всякая научная оценка — субъективна, ибо производится она каждым с его личной, субъективной точки зрения, с точки зрения его личного понимания данной науки. Для библиотекаря же всякая субъективность недопустима. Ибо задача его, как *собирателя книг*, отнюдь не в том, чтобы подбирать книги опре-

деленного направления, или только удовлетворяющие его личным взглядам и запросам книги. Задачи библиотеки — возможно полнее отразить научную работу в данной области знаний, приютить *все* оттенки научной мысли, закрепить — на полках библиотеки — все проходящие ее течения. В силу этого библиотекарь-библиограф не *критикует* авторов, но только знакомится с содержанием и общим характером труда, с его направлением и «школой» — и, сообразно с этим, определяет место данной книги в литературе вопроса, а следовательно, определяет и есть ли данной книге «место» в библиотеке. Только при таком способе пополнения каждый отдел библиотеки приобретет внутренней, идейной, связью спаянную группировку; только тогда он будет — не нумерованными и по формату подобранными пачками печатной бумаги, а живым миром, в который библиотекарь будет способен ввести — и введет — каждого приступающего к работе.

Так понимали библиографию и наши учителя библиотечного дела, и прежде всего — подвижник русского библиотечного дела Н. Ф. Федоров, бывший, по словам его биографа, «учителем, наставником ученому труду, умевшим вдохнуть в молодые умы священную любовь к знанию».

Это «учительство», это участие библиотекаря в идущей в стенах его библиотеки работе должно, по существу, быть основным назначением библиотекаря — назначением, важность которого растет из года в год, по мере того, как изменяется самая постановка преподавания в высших школах. Ибо, как справедливо отмечает Eichel, все сильнее выдвигается наряду с лекциями и практическими занятиями — «образование чтением», «подготовка книгой». Мы бы сказали даже сильнее: за последнее время, в новейших течениях университетского преподавания,

центр тяжести перемещен с «лекционного» образования на самостоятельную работу — на практических занятиях и «над книгой». Сообразно с этим растет значение библиотеки и — библиотекаря. Являясь, при нормальных условиях (соответствующей подготовке и соответствующем положении среди учебного персонала данного учреждения) естественным постоянным связующим звеном между «учащими» и «учащимися», библиотекарь, силою самой жизни, становится не только сотрудником работающих в деле подыскания нужной литературы: его участие сказывается и на методе работы. И не будет преувеличением сказать, что именно в библиотеке, в ее книжном и живом составе, легче и прочнее всего хранятся и передаются ученые традиции учреждения. Живым примером в данном случае может служить хотя бы Румянцевский Музей, дающий — поколение за поколением — библиотекарей очерченного мною типа.

Если же мы примем во внимание, что «сфера действия» академической библиотеки не замыкается одним, более или менее тесным, кругом слушателей того или иного учебного заведения; что при правильной постановке и, особенно, при широкой помощи библиотечного персонала читателям сфера «притяжения» ее растет широко и быстро, и библиотека все сильнее приближается к тому, чем была она в глазах того же идеалиста Федорова — «школой взрослых, следовательно, высшей школой» — для широких кругов, для целых корпораций; школой высшей, чем то, что понимается под этим словом в общезнании, потому что «учение» в ней идет тогда, когда закончены уже все курсы, сданы все экзамены; если мы примем все это во внимание — станет ясно, на какую высоту может быть поднята библиотека и на какую высоту *должна* она быть поднята, чтобы выполнить свое назначение во всей пол-

ноте и силе. Но, вместе с тем, станет ясно, что поднять ее на эту высоту может только ее библиотечный персонал.

И так же ясно, что осуществить это он сможет не одной только быстрой подачей книг, не поверхностной помощью — в виде отсылки ко всем известным и всегда недостаточным, всегда устаревшим, печатным «библиографиям». Библиотеке нужна своя, живая, библиография — библиотекарь.

Объем и содержание этой «библиографии» естественно предугадывается кругом читателей библиотеки. Естественно, она будет одна — в библиотеках общественных, где требования будут приближаться к тем, что ставятся на испытании библиотекаря в Library Association; в библиотеках высших учебных заведений они определяются прежде всего кругом (и объемом) работ учащихся (как необходимый *minimum*), углубляясь по мере специализации библиотек.

Но, даже оставляя в стороне могущий еще, для некоторых, быть спорным вопрос о помощи работающим в библиотеке, о сотрудничестве библиотекаря и его «читателей», нетрудно показать, что без библиографии немислимо выполнение ни одной из важнейших библиотечных функций.

Первой в ряду их стоит *пополнение* библиотеки. На практике во многих академических библиотеках пополнение производится по указаниям профессоров отдельных кафедр или особых, специальных комиссий, составленных из тех же профессоров, и, зачастую, даже без участия библиотечного персонала. Подобный порядок должен быть признан весьма малоудовлетворительным. Мне представляется уместным напомнить здесь положение, прекрасно сформулированное циркуляром французского министерства 28 июля 1886 г.: «покупки университетских библиотек отнюдь не должны производиться по тем же соображениям, что и личные

приобретения частного лица». Между тем, указанный выше способ придает покупкам библиотеки именно этот «личный» характер в силу отмеченного уже нами неизбежно-субъективного отношения каждого профессора к литературе его специальности; более того, нередки случаи, когда «рекомендация» профессором книг для приобретения библиотекой объясняется (как указывает Рубинский, и как широко подтверждает практика университетских библиотек) желанием посмотреть их при разработке им для себя лично какого-нибудь, зачастую весьма частного, вопроса. Развитие библиотеки идет, таким образом, случайно, без должной плановости, без необходимой системы. В силу вышеприведенных соображений представляется необходимым объединить пополнение библиотеки в руках библиотечного персонала, как постепенно делается это в лучших академических библиотеках Запада, предоставив профессорскому персоналу только право контроля за выпиской книг в виде указаний на сделанные упущения, буде таковые окажутся, и т. п. Но, вместе с тем, незачем указывать, что передача подобных полномочий библиотекарям допустима только при основательной библиографической и общенаучной их подготовке.

Неразрешим удовлетворительно, без помощи библиографии, и другой из важнейших вопросов библиотечного дела — *каталогизация*. Не овладев книгой, не «определив места ее в литературе предмета», правильно каталогизировать нельзя. Я говорю, конечно, о каталоге систематическом и, тем паче, предметном, важность которого, особенно для библиотек среднего и низшего типа, растет пропорционально росту современных библиотек. Для каталога алфавитного, конечно, достаточно одной «техники». Но, думается, алфавитный *печатный* каталог, как единственное руководство к выбору книг,

с которым приходится встречаться во многих академических библиотеках, есть, быть может, и естественное при данных условиях, т. е. «отказе от библиографии», явление, но во всяком случае — явление уродливое. Еще хуже, однако, систематические каталоги, составленные без достаточной библиографической обработки. Ибо такие каталоги не только не помогают, но зачастую вводят в заблуждение прибегающих к ним. Никакие суррогаты, в виде библиографических указателей или всякого рода таблиц, заменить библиографического *знания* не могут. Классификация по заглавию, по внешнему виду абсолютно недопустима — лучше не классифицировать вовсе.

Конечно, существует взгляд, весьма распространенный и поддерживаемый такими авторитетами, как Delisle или Schulze, что «каталог и библиография — две совершенно различные вещи»; что запись каталога должна быть настолько подробна, чтобы можно было установить тождественность имеющейся в библиотеке книги с книгой требуемой; что запись эта сводится к простой регистрации данного экземпляра, а не может и не должна быть библиографическим описанием данной книги; есть, наконец, сторонники F. Madan с его четырьмя категориями записей, от самой подробной — для редких и старопечатных книг — до самой упрощенной (см. *Degressive Bibliography. Transactions of the Bibliographical Society. 1908*).

Все это направление, в сущности, строится на весьма ходячем утверждении, сформулированном Delisle и Picot в предисловии к докладу о каталоге национальной библиотеки: «Ученые должны знать». Современный библиотекарь-техник говорит шире: «Читатель должен знать», какую ему нужно книгу. Наше дело — ответить ему каталогом, есть у нас такая книга или нет. И только.

«Читатель должен знать». Но, ведь, фактически он не знает. Больше того, он часто и *не может* знать. Если в начале XVIII века Marmontel вычислил, что, при затрате 14 часов в день на чтение, потребовалось бы 800 лет, чтобы перечитать Исторический отдел Королевской библиотеки, то что сказать о современности; и для настоящего времени обрекать читателя на поиски подходящей ему по теме книги, без тщательной организованной помощи ему, значит не только затормозить его работу; во многих случаях это равносильно созданию ему невозможности работать.

Форма и подробность каталожной записи не важны: но необходимо, чтобы содержание данной книги полностью перелилось в каталог, чтобы она была зафиксирована во всех охватываемых ею рубриках его. Но подобная каталогизация есть работа библиографическая, не имеющая ничего общего с «машинным производством каталогов», и, следовательно, далеко выходящая за пределы узкопонимаемой «техники».

Далее, в практике каждого библиотекаря ежедневно бывают — и далеко не единичные — случаи неполных, неточных, иногда даже неверных требований на книги. Относиться к таким требованиям формально, конечно, не следует, уже потому, что неверность этих требований далеко не всегда на совести спрашивающего. Во многих научных работах ссылки на источники далеки от библиографической точности, зачастую и просто неправильны. Факт, к сожалению, настолько частый даже для методических немцев, что германские библиотекари были вынуждены официально обратить на это внимание ученых кругов, именно ввиду частых неверных требований на книги — на основании «ссылок» того или иного автора.

Помимо интересов читателей, лишение их *действительной* библиогра-

фической помощи отражается, косвенно, и на технической работе библиотеки. Она, несомненно, увеличивает абсолютно непроизводительный оборот книг. То, что мог бы сказать «библиографически» составленный каталог, читателю приходится узнавать из самой книги. Этот «просмотр», значительно усиливающий выемку и укладку книг, тяжело ложится на библиотечный персонал, особенно, при наших, обычно более чем скромных штатах; ложится обидно, потому что это — лишняя, непроизводительная работа.

Таким образом, современный систематический каталог нуждается в библиографической обработке. Думается, не будет ошибкой принять, что и на Западе в этом вопросе замечается поворот библиотечарской мысли — как раз в эту сторону. Как пример, можно указать хотя бы факт изменения соответствующего тезиса доклада Barth'a о свободном Швейцарском каталоге — на 8-м Собрании Союза швейцарских библиотекарей, предлагавшего сокращение заглавий. Голосование собрания отметило «желательность стремиться, при передаче заглавий, к возможной библиографической точности».

По силе вышесказанного, три основных функции библиотекаря — пополнение библиотеки, каталогизация и помощь читателям — невозможны без библиографической подготовки. И самый успех выполнения культурной задачи библиотеки представляется, таким образом, тесно связанным именно с библиографической подготовкой библиотечного состава.

Очевидно, однако, что полное осуществление библиографических требований, предъявляемых современностью библиотекарю, возможно не при всяких условиях. При условиях нынешних для многих библиотек эта задача представляется слишком трудной, чтобы стать общим правилом. Ввиду этого представляется желательным только

принципиальное признание нынешним Съездом необходимости библиографии, — как противовес «узкотехническому» пониманию библиотечной профессии — и указание, в общих чертах, тех средств, которыми можно было бы облегчить осуществление указанного принципа.

В ряду их, на мой личный взгляд, главнейшими представляются следующие два «средства».

Первое из них — *специализация* библиотек. Средство, подсылаемое, впрочем, самой жизнью. В университетах зачатки этой специализации можно видеть в так называемых кабинетских библиотеках — применение верного принципа в неудачной форме, справедливо вызывающей протесты библиотекарей общеуниверситетских (фундаментальных) библиотек. И в этом пункте надлежит вернуться к доброму старому правилу, сформулированному в § 2-м II раздела устава университетской библиотеки в Бонне от 25 августа 1819 года: «Дабы надежно обеспечить нужный порядок в библиотеке, она должна быть поделена по различным отраслям знания между библиотечным персоналом». Разделение, по смыслу своему, совершенно противоположное современному — «техническому», в основу которого ложится простой расчет числа переплетов и «требований» на библиотечную «душу».

Напомним, что Massé в докладе французской палате по бюджету 1904 года говорил: «Упорствовать в желании сохранить библиотеки *общие*, поддерживать их, расширять их — значит не служить науке, а отрицать ее, мешать ей, так как это значит затевать невыполнимое дело. Только специалисты, ведущие специальные библиотеки, следящие за библиографией только некоторых наук, могут оказать действительную пользу». Специализация, вместе с тем, становится необходимой и по бюджетным соображениям. При бы-

стром росте современного издательства — возьмем хотя бы только периодическую литературу — пополнение любой библиотеки без крупных пробелов немислимо. Единственный возможный логический выход — размежеваться, по возможности специализировать библиотеки. Конечно, естественным последствием такого размежевания явится связь библиотек между собой — обмен книгами или общая клиентура, — вопрос, в значительной части своей уже разрешенный практикой зарубежных академических библиотек. Небезынтересно указать, что это новое направление — специализации и тесной совместной работы библиотек — получило ясное выражение в последней официальной инструкции итальянским библиотекам.

Границы специализации должны, во всяком случае, замыкаться одним циклом знаний. В тех же случаях, где, как в университетских библиотеках, это невозможно, во главе каждого отдела должен стоять особый библиотекарь.

Вторым средством представляется — *усиление среднего библиотечного персонала*, на который должна перейти вся главная тяжесть механической библиотечной работы. Требование, настойчиво выдвигаемое за последнее время германскими библиотекарями. Я не стоял бы, однако, на том резком отделении «механической работы» от «научной», которая введена в австрийскую практику и на которой настаивали — на Съезде библиотекарей в Галле — Schnorr von Carolsfeld и Gerhard. Среднему персоналу должны быть открыты пути к библиографическим работам и библиографической практике, которые одни, по моему мнению, могут открыть доступ к более ответственным высшим должностям. Они могут быть привлечены к «реферированию», как практикуется это во многих немецких библиотеках (напр., Hofbibliothek в Вене, где имеются 24 Referentgruppen).

Но допускать их, как предлагает Reinhold, к участию в выписке книг, т. е. к непосредственному «ведению» библиотеки, — я полагал бы нецелесообразным. Это, впрочем, частность, не могущая повлиять на основное решение вопроса: сосредоточить технические работы в руках младшего служебного персонала и оставить «верхам» — научную, библиографическую часть (пополнение, каталогизация, пособие занимающимся) при условии, конечно, не только общего наблюдения за технической частью, но и активного руководства ею. Такое распределение развяжет руки библиотекарям для более плодотворного труда и обеспечит библиотекам правильное и широкое развитие их просветительной работы, и даст библиотекам ту целостность, которой в них в настоящее время нет.

Мне думается, именно теперь, намечая пути к поднятию библиотечного дела, важно сразу поставить во всей

широте затронутый мною сегодня коренной, по убеждению моему, вопрос. Надо воссоздать то, что было в свое время истиной, не требовавшей доказательств, восстановить *ученое* звание библиотекаря. Ибо та формулировка, которую дал в докладе своем А. Р. Войнич-Сяноженцкий, требует существенной поправки: библиотекари не только особая профессия, но профессия «ученая». 200 лет тому назад писал Haffelin: «Отношение Академии к библиотеке таково же, как и отношение наук к их источникам. Их связь — в самой природе вещей». Эта истина для настоящего времени не потускнела. И поднять ее опять, во всей силе — задача, если не сегодняшнего, то завтрашнего дня.

Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1-го по 7-ое июня 1911 г. : в 2 ч. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. Ч. 2. С. 116–123. (Общество библиотекосведения)

Публикацию подготовили

Светлана Александровна Карайченцева

Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, доцент, кандидат филологических наук, Россия, Москва

Елизавета Михайловна Сухорукова

Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, доцент, кандидат филологических наук, Россия, Москва

Svetlana Aleksandrovna Karaychentseva

Moscow Polytechnic University, High School of Printing and Mediaindustry, associate professor, candidate of philological sciences, Russia, Moscow

Elizaveta Mikhailovna Sukhorukova

Moscow Polytechnic University, High School of Printing and Mediaindustry, associate professor, candidate of philological sciences, Russia, Moscow

Вышли в свет

**Биобиблиографические
указатели**

Мельничук Г.А. Елена
Валентиновна Васильева
(1921–2009) : биобиблиогра-

фический указатель : к 100-
летию со дня рождения /
Г.А. Мельничук, Н.В. Степа-
нова, И.И. Юрков. — Москва :
Г.А. Мельничук, 2021 (Мо-

сква : Типография «Радуга»
»). — 159 с. : ил., цв. ил. —
(Российская интеллигенция ;
вып. 12). — На обл. авт. не ука-
заны. — 150 экз.